

С. А. Колесников

Метафизика и апофатика цифровых голосов: возможности философско-религиозного осмысления

УДК 004:[1(091)+27-1]
DOI 10.47132/2541-9587_2024_3_129
EDN QHNBWVT

Аннотация: В статье рассматривается проблема философско-религиозного осмысления таких явлений цифрового мира как голоса виртуальных ассистентов. В рамках установленных требований обращения научной дисциплины к новизне, рассмотрение цифровых голосов представляется оправданным и актуальным для открытия новых реалий познания Божественного. Ключевым принципом в духовных гносеологических стратегиях выступает построение знаково-символических систем, определяющих взаимоотношение познающего сознания и мира. Сегодня цифровая реальность предлагает совершенно оригинальную познавательную парадигму, воплощенную в знаковой символике цифровых голосов. Рассмотрение цифровых голосов с философско-религиозной позиции позволяет смоделировать в условиях цифровых реалий те духовные вызовы, которые не утратили своей актуальности для современности. Голос с философско-религиозной точки зрения включает активацию метафизического подхода, который обнаруживает неразрывную связь голоса с бытийно-метафизическим уровнем; принятие голоса в качестве уникальной площадки, где снимается противопоставленность полярных концепций метафизического идеала; формирование духовной антропологии цифровых голосов, включающей потенциальную трансцендентальность, выявление и преодоление опасности девальвации духовных смыслов в цифровых голосах. Из всего многообразия голосовых истолкований в философско-религиозных парадигмах в статье рассматривается один из самых парадоксальных — тема апофатического молчания в цифровых голосах. Разумность, выраженная в голосе, неизбежно содержит потаенные смыслы молчания, а потому апофатический подход представляется оправданным и результативным. Специфика подачи цифрового голоса, лишенная очевидного носителя, цифро-математическая вне-вербальность, наличие зон молчания, построение голосовой «антропологии молчания», духовные вызовы подмены молчания, симулякры тишины, влекущие за собой разрыв в результативном коммуникационном общении, — все это определяет востребованность апофатического подхода в осмыслении цифровых голосов. При условии принятия метафизического мировосприятия и апофатического молчания цифровой голос обретает качества религиозного (мета-интеллектуального) поступка, способного к духовному преображению реальности.

Ключевые слова: голоса виртуальных помощников, метафизика голоса, антропология голоса, сакральное молчание, религиозная философия.

Об авторе: **Сергей Александрович Колесников**

Доктор филологических наук, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии, профессор Белгородского юридического института МВД России.

E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3829-6167>

Для цитирования: Колесников С. А. Метафизика и апофатика цифровых голосов: возможности философско-религиозного осмысления // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (23). С. 129–142.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

Sergey A. Kolesnikov

Metaphysics and Apophatics of Digital Voices: Possibilities of Philosophical and Religious Understanding

UDC 004:[1(091)+27-1]
DOI 10.47132/2541-9587_2024_3_129
EDN QHBWVT

Abstract: The article deals with the problem of philosophical and religious understanding of such phenomena of the digital world as the voices of virtual assistants. Within the framework of the established requirements for the scientific discipline to be new, the consideration of digital voices seems justified and relevant for discovering new realities of knowledge of the Divine. The key principle in spiritual epistemological strategies is the construction of sign-symbolic systems that determine the relationship between cognizing consciousness and the world. Today, digital reality offers a completely original cognitive paradigm embodied in the iconic symbolism of digital voices. Considering digital voices from a philosophical and religious position allows us to model in the conditions of digital realities those spiritual challenges that have not lost their relevance for modernity. Voice, from a philosophical and religious point of view, involves the activation of a metaphysical approach, which reveals the inextricable connection of the voice with the existential-metaphysical level; the adoption of the voice as a unique platform where the opposition of polar concepts of the metaphysical ideal is removed; the formation of a spiritual anthropology of digital voices, including potential transcendence, identification and overcoming the danger of devaluation of spiritual meanings in digital voices. Of all the variety of voice interpretations in philosophical and religious paradigms, the article considers one of the most paradoxical – the theme of apophatic silence in digital voices. The reasonableness expressed in the voice indelibly contains the hidden meanings of silence, and therefore the apophatic approach seems justified and effective. The specifics of the digital voice presentation, devoid of an obvious carrier; digital-mathematical extravertality, the presence of zones of silence; the construction of a vocal “anthropology of silence”; spiritual challenges of silence substitution, simulacra of silence, entailing a gap in effective communication – all this determines the relevance of the apophatic approach in understanding digital voices. Provided that a metaphysical worldview and apophatic silence are accepted, the digital voice acquires the qualities of a religious (meta-intellectual) act capable of a spiritual transformation of reality.

Keywords: voices of virtual assistants, metaphysics of voice, anthropology of voice, sacred silence, religious philosophy.

About the author: **Sergey Aleksandrovich Kolesnikov**

Doct. Sc. in Philology, Vice-rector for Scientific Work at the Belgorod Orthodox Theological Seminary, Professor at the Belgorod Law Institute of the Russian Ministry for Internal Affairs.

E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3829-6167>

For citation: Kolesnikov S. A. Metaphysics and Apophatics of Digital Voices: Possibilities of Philosophical and Religious Understanding. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (23), pp. 129–142.

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Метафизика голоса

Выход философствующего богословия на научный уровень, сопровождающийся уже довольно затянувшимся рефреном «теология как наука», определяет особые требования к богословской методологии открытия нового. Новизна как условие результативности научной дисциплины, применяемое к богословию, несет серьезные вызовы, которые можно определить как испытание богословия на «нормальность» и «нормативность». Возникает вопрос: вписывается ли богословие в параметрию «нормальной науки» (Т. Кун). Способность интеллектуального богословия явить надлежащую нормативность и будет определять перспективы ее продуктивности, ее роль и возможности в преобразении современного общества.

Учитывая то, что наука все больше становится человекомерной и человеко-размерной, богословию предстоит найти свою даже не нишу, а новый вектор разворачивания будущего, открытия нового будущего, подразумевающего качественно иное измерение — Богоразмерность научного познания. Парадигма богословия, о которой говорит современная богословская мысль — «...новая парадигма, и я вижу задачу в том, чтобы использовать главное, лучшее и наиболее адекватное для будущего, выработанное христианской теологией»¹, — основана именно на принятии новизны ее в Богоразмерном истолковании: «Ты обновляешь лице земли» (Пс 103:30). А потому пафосно-педагогическое восклицание «теология — ресурс новой образовательной парадигмы!»² по своей гносеологической тональности может быть сопоставимо с непреходящим библейским возгласом «напишу имя Мое новое...» (Откр 3:12). Конечно, имена нового, являющиеся в философско-религиозных изысканиях, всегда будут рассматриваемы, расслышаны «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор 13:12), конечно же, «каждая новая вещь, едва показавшись в настоящем, уже уходит в прошлое...»³, но это не повод для отказа богословию в праве на новизну. Ведь если ветхо-лукавый атеизм примеряет на себя определение нового — а «новый атеизм» в медиа-голосах Р. Докинза и В. Стенджера преподносится именно в претензиях открытия нового, — то почему богословие должно отказываться от потенциальной новизны, от возрадования новым?

Богословие, неизбежно призываемое к преобразению «вывихнутого времени», к проникновению в «составы и мозги», в «помышления и намерения» (Евр 4:12), обязано ответственно реагировать — с неизменным принятием сакральной ответственности: «Бог возложил на меня ответственность передать вам Божью благодать» (Еф 3:2) — на те изменяющиеся реалии современности, в которых закладываются основы миропознания. Новые формы познания и изменения (деформации?) реальности, стремительно расширяющие свой масштаб присутствия в познающем сознании человека XXI столетия, обязаны стать предметом рассмотрения с теологических позиций, должны быть истолкованы в философско-религиозных смыслах.

¹ Шмонин Д. В. Теология в новой парадигме // Вопросы теологии. 2023. Т. 5. № 3. С. 501.

² Там же. С. 506.

³ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. С. 46.

В современной ситуации одним из таких направлений миропознания выступает цифровая реальность, формирующая качественно новые вызовы и требования к построению идеальных планов познавательной деятельности. Ключевым принципом в гносеологических стратегиях всегда считается построение знаково-символических систем, определяющих взаимоотношение познающего сознания и мира. И цифровая реальность предлагает совершенно оригинальную — с претензией на «власть над всеми» (Лк 4:6) — познавательную парадигму, воплощенную в цифровых голосах. Вселенский масштаб, который обретают цифровые голоса в «лице» Siri, Cortana, Ivona, Alexa, Алисы, Маруси и т. д., поражает: прогнозируется, что в 2024 г. количество цифровых персоналий-голосов достигнет 8,4 млрд единиц⁴. Вместе с тем голосовой формат познания реальности неразрывно связан с религиозным генезисом голосового познания, явленного еще в библейской онтологии гласа Божьего. Цифровые голоса в своей своеобразной форме предстают в качестве инструментов глобального познания, претендуя на метафизический масштаб присутствия в современном мире.

Цифровая реальность, осуществляя информационную экспансию, активизирует запрос о сущности реальности, возвращая в поле осмысления проблему реалистичности, генетически связанную с интеллектуально-богословским пониманием «реального сущего» (Г. В. Вдовина). Цифровые голоса предлагают новые обертоны реальности, но полнота их восприятия невозможна без обращения к богословскому истолкованию реальности. Цифровые голоса в своей множественности реактивируют философско-религиозную дискуссию о соотносительности «Божественной простоты с множественностью абсолютных тварных rationes в Божественном уме»⁵, цифровые голоса как инструментальный познания заново ставят вопрос о постижении истины универсума, цифровые голоса как свойство реальности способны к раскрытию новых граней мира Божьего.

Рассмотрение цифровых голосов с философско-религиозной позиции позволяет смоделировать в условиях цифровых реалий те духовные вызовы, которые не утратили своей актуальности со времен грехопадения. Цифровая реальность в голосовых формах моделирует ситуацию выбора, в которой количество принимаемых решений взрывообразно расширяется. Погружение в ситуацию выбора, в которой некогда оказался Адам, выбор подлинности или неподлинности («Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» (Быт 3:2)) в цифровой реальности представлен в перманентных ситуациях непрекращающегося отбора принятых решений, стремительная смена которых погружает сознание в нестабильность и тотальное сомнение. «Цифровое я», «цифровой след личности», формирующиеся под воздействием голосов виртуальных помощников, актуализирует проблему самоидентификации, которая во всей остроте проявилась в библейском фрагменте Божественного вопрошания-идентификации: «И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты?» (Быт 3:9). Цифровые голоса ввергают сознание в ситуацию нахождения «лицом к лицу» с новым знанием, которое «хорошо для пищи... приятно

⁴ Сайт Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/973815/worldwide-digital-voice-assistant-in-use/> (дата обращения: 02.03.2024).

⁵ Вдовина Г. В. Лаборатория онтологических понятий: Антоний Сирект и Антонио Тромбетта — скотисты XV в. // Историко-философский ежегодник. 2017. № 2017. С. 50.

для глаз и вожделенно» (Быт 3:6), с новым цифровым знанием человека о себе и о мире. Весь этот спектр вызовов, продуцируемых виртуальными голосами, требует богословского осмысления, возвращает значимость богословского ответа на вопрошание о «прочности» и «химерности» человечества, чей вопрошающий масштаб был задан еще средневековым схоластом А. Тромбетой: «Человечество (*humanitas*) есть прочная вещь, отличная от химеры тем, что человечеству не противоречит бытие существования, а химере противоречит»⁶. Выбор, самосознание и отношение к знанию — таковы мета-контуры философско-религиозной проблематики цифровых голосов.

Основанием для философско-религиозного анализа цифровых голосов является метафизический потенциал цифровой реальности. При этом метафизичность в программном обеспечении виртуального мира явлена в формате тотальной идеологичности, ведь «софт и идеология идеально подходят друг другу, потому что они пытаются выделить материальные эффекты нематериального и утвердить нематериальное с помощью видимых сигналов. В ходе этого процесса нематериальное возникает как товар, как нечто самодостаточное»⁷. Потенциальная не-материальность софта позволяет использовать ноуменальные подходы, в том числе и философско-религиозный метод. «Товароведение» ирреального, составляющее основу цифрового мира с активным использованием цифровых голосов, все же ориентировано на ирреальное, что сохраняет метафизическую основу виртуального мира.

Голос неразрывно связан с бытийно-метафизическим уровнем. Ж. Деррида устанавливал неразрывную связь между голосом и бытием: «Смысл глагола “быть” поддерживает совершенно исключительную связь со словом, т.е. с единством *phone* и смысла»⁸, а потому присутствие голоса в виртуальном континууме позволяет проследить метафизические корни цифро-реальности. Показательной становится метафизическая задача по обнаружению идеального голоса, имеющая богословские истоки: «Этот процесс знаком из истории певческого голоса, начало которого было определено декретом Августина, объявившего *vox artificiosa et suavis* голосовым идеалом церкви»⁹. Выход к проблеме идеального голоса — как и идеальной тишины («идеальная тишина, что лежит в основе Всего»¹⁰) — показывает принципиальное соположение голосовой коммуникации и идеала.

Голос выступает уникальной площадкой, на которой снимается противопоставленность полярных концепций метафизического идеала: длящаяся недостижимость идеала Канта («нельзя допустить объективной реальности (существования) этих идеалов»¹¹) и достигаемый покой идеала Гегеля («идеал же существует... смыкается во внешней стихии с самим собою, свободно покоится в себе в чувственном блаженстве, радости и наслаждении собой»¹²)

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Ловинк Г. Критическая теория интернета. М., 2019. С. 56.

⁸ Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999. С. 99.

⁹ Булгакова О. Голос как культурный феномен. М., 2015. С. 276.

¹⁰ Беккет С. Осколки: Эссе, рецензии, критические статьи. М., 2009. С. 98.

¹¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 246.

¹² Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. 1. М., 1968. С. 166.

соединяются в голосовой протяженности и голосовой результативности. Голос открывает для метафизического идеала свое «место», τόπος, в котором «не существует протяжения, отличного от тел, отделимого от них и существующего актуально» (Аристотель. Физика, IV, 6, 213a), в котором соединены протяженность и существование. Идеальный голос, сочетающий в себе онтологические «разбивку», «Spacing», и «синтезирование» «Syntheseleistung» (M. Löw), презентует принципиальную возможность нахождения-обнаружения идеала, становится реальным голосом метафизического идеала.

Всепроникающая виртуальность цифровых голосов только усиливает метафизические предстановки голоса, ведь голоса виртуальных помощников в своем нарастающем многомиллиардном присутствии обретают подлинно вселенский масштаб, создают грандиозное сообщество голосовых «мест». Цифровой голос сегодня — это и есть тот самый vox significativa, значимый голос, в сущность которого вслушивался еще блж. Августин в трактате «О количестве души». При этом голос в метафизически-топосных характеристиках вырывается за границы знака, преобразует ограниченность знака: «...при всех условиях обязательно голос не порядок означивания, но тот самый тембр места, при котором тело себя выказывает и высказывает»¹³. Именно из колокольного (timbre (фр.) — колокольчик) «тела» голоса становится возможным возлетание к богословско-метафизической антропологии цифровых голосов, в рамках которой выстраивается голосовое «тело» современного интернет-пользователя.

Голос, одновременно открытый слову и звуку-шуму, формирует глубинно-духовные основания личности: «Способ сделать этого субъекта личностью... — воспроизвести (или придумать) особые шумы, какие он/она издает: кряхтенье, шелест чулок при ходьбе, манера кашлять, скрип обуви. Воспроизведите это сколь угодно причудливо: шум — всегда неоформленное слово»¹⁴. Голосовая сонорика души при подключении философско-религиозного ресурса перерастает в трансцендентальную пневматологию голоса, в том числе и голоса, звучащего в виртуальной реальности. Именно о таком духовно-метафизическом свойстве голоса говорил Гегель: «В одном из своих органов, в голосе, человек непосредственно имеет такой элемент, который допускает более широкое содержание, чем простую чувственную наличность, и требует этого более широкого содержания»¹⁵; именно о метафизической трансцендентальности голоса писал Н. Гартман: «Голос, который незванно, неожиданно, загадочно говорит из глубины собственной сущности — причем категорически и убедительно — хотя и вопреки естественной тенденции самоодобрения»¹⁶, и именно в таком метафизическом понимании должны восприниматься современные цифровые голоса.

Антропология цифровых голосов обязана включать в себя потенциальную трансцендентальность, поиск себя как человека с помощью голоса, в том числе и цифрового голоса; она выступает новым философско-религиозным

¹³ Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999. С. 52.

¹⁴ Бродский И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. СПб., 2001. С. 24.

¹⁵ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 54.

¹⁶ Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 188.

заданием, в котором голос призывает раскрыть возможность духовного развития сознания. В голосовые характеристики входит такой показатель как «полетность», сопоставимый по своим смыслам с духовно-метафизическим возлетанием к «звездному небу надо мной». Богословская акустология, соединяющая в голосе звук и слово, определяющая траекторию полета звука к слову, к духовно-религиозным смыслам словесности, начинает свою традицию с голосового преобразования звука у блж. Августина в трактате «О количестве души»: «Звук представляет собой тело, а значение — душу звука»¹⁷. Цифровой голос стоит перед опасностью утраты звуком ориентиров возлетания к слову, подменой звука цифрой («В цифровом виде звуковая волна представляется в виде ряда чисел, которые соответствуют величине давления или электрическому напряжению в последовательные моменты времени»¹⁸), — то, о чем изначально предупреждало богословие: «Неозначенный звук есть “треск слов”»¹⁹. Трещащие, раскалывающиеся слова, лишённые о-смысленных звуков, утрачивают свою подлинную эргономичность как оптимальные условия для познания мира. Если «*έρϋον*» есть то “деяние”, совершение которого есть выход вещи к полноте своего присутствия»²⁰, то слова цифрового голоса, стремящиеся сохранить свою полноту-плерому, призваны к возлетанию из себя (М. Хайдеггер: «*έρϋον* заключает в себе отсыл к чему-то иному... оно всегда указывает прочь от себя. Оно — для чего-то и для кого-то»). Эргономика голоса — прежде всего в цифровом формате! — подразумевает обращенность голоса к другому, разрыв герметичности звука в цифре, перевод звука к смыслу; выявить принципы эргономики цифровых голосов способен именно богословско-трансцендентальный метод.

Переводческая роль голоса имеет для виртуальной реальности особое значение: перевод голоса в «цифровой язык» не должен вести к оскудению трансцендентальности голоса, как это происходило, например, при переводе понятия «*θεωρεῖν*» с древнегреческого на латинский, когда полнота обозрения (*θεωρέω*, смотрю) была нивелирована до ограничивающего: «...выделить нечто в определенный участок и в нем оградить оградой»²¹. Подобные процессы ограничения метафизической полетности голоса провоцируются современной тотальностью цифры, и выявить сущность таких процессов опять-таки способны философско-религиозные подходы. Там, где в голосовой пульсации виртуальной реальности требуются «новый ритм развития и замедленная секвенциальность» (Г. Ловинк), там призвано проявиться философско-религиозное осмысление тех последствий, которые наступают в результате расширенного присутствия цифровых голосов. Происходящее в цифровом «теле» голоса должно стать объектом пристального внимания философско-богословских изысканий, т.к. способ распространения цифровой информации способен обернуться «модусом промискуитета, образующего новую социальную ткань

¹⁷ *Августин Аврелий, свт.* Творения: в 4 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 249.

¹⁸ *Кинтцель Т.* Руководство программиста по работе со звуком. М., 2000. С. 21.

¹⁹ *Августин Аврелий, свт.* Творения. Т. 1. С. 303.

²⁰ *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 241.

²¹ Там же. С. 244.

посредством беспорядочных математических связей»²², а такая беспорядочность грозит элиминацией хаоса, зла, неполноты. И метафизическая голосовая сущность, о которой не имеет права забывать цифровой мир, не может быть удалена из цифровых голосов, из осмысления голосов виртуальных помощников в самых широких философско-религиозных парадигмах.

Апофатика цифрового молчания

Из всего многообразия голосовых истолкований в философско-религиозных парадигмах хотелось бы остановиться на одном из самых парадоксальных — на теме молчания в цифровых голосах.

Голос предстает несомненным условием выражения человеческой разумности. Сама презентация разумности требует преображенного вокализма, который восходит к первоимпульсу разума, проистекающего, в свою очередь, из «чудной и завораживающей картины самоутверждённого смысла и разумения»²³. Любые формы разумности — полемические, скепсисно-коллизийные, критические и, тем более, религиозно-догматические — презентованы в голосовых вариантах; без голоса разумность невозможна. Голосовая сущность разума для философско-религиозной позиции очевидна: «Разум — вот характер человека, а разум означает, что человек внемлет глаголу Божьему в творении»²⁴. Разум как итоговый голос, как голосовая «связь истин» (Г. В. Лейбниц) способен именно через голосовое оформление генерировать ментальные модели, определяющие стратегии познания человека. Но если признать неразрывность связи голоса и разума, то необходимо принять и позицию, определяющую разум как потенциальную неисчисляемость: «Разум, по всей видимости, представляет собой такую сущность, которую никоим образом невозможно описать посредством каких бы то ни было вычислений»²⁵. Разум не вписываем в исключительно рациональный алгоритм, «разумное поведение отличается практически не алгоритмизируемым уровнем сложности»²⁶. В сверх-рациональной версии разума, характерной для религиозно-философской позиции, разум и голос оказываются включенными в зону молчания, невыговоренности, апофатического «мрака». Даже Лейбниц в своей герметично-камерной эхологии монад считал возможным наличие голосовых форматов монадных субстанций, причем разделял их на бодрствующие и молчаще-спящие: «...спящие монады отражают мир, а бодрствующие выражают славу Творца»²⁷. Бытийная тишина, онтологическое умолкание, то самое библейское «веяние тихого ветра, и там Господь» (5 Цар 19:2), заставляет включать в голос как параметр разумности потенциал умолкания, неслышимости. Голос обретает свою онто-гносеологическую полноту, свою познавательную

²² Самостийко Е. В. Ассистент и его должник: об искусственных голосах // Практики и интерпретации. 2018. Т. 3 (2). С. 54.

²³ Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 21.

²⁴ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 452.

²⁵ Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. М.; Ижевск, 2005. С. 12.

²⁶ Цаплин В. С. Принцип и природа разумности // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 121.

²⁷ Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 75.

плерому только при сохранении значимости молчания, при учетывании молчания как фона для рождения голоса.

Весь сложный спектр бытия «молчащих голосов» переносится и в проблематику цифровых голосов. Максимальную активацию эта проблема получает при запуске темы о разумности искусственного интеллекта, о связи голосовых сообщений с разумом. Призыв «мы заинтересованы в программах, которые ведут себя разумно»²⁸ может быть результативным, в том числе при условии сохранения значимости молчания, определяющего сущность голоса. Цифровые голоса Siri или Алисы зазвучат в своей полноте, если в них будет включено знание о молчании, так как «способность говорить есть то же самое, что и способность молчать»²⁹. Цифро-математическая вне-вербальность, о которой, например, говорил Л. Брауэр, требуя «полного отделения математики от математического языка и, следовательно, от феномена языка как такового»³⁰, задает своеобразную пред-словесность цифры, в которой оспаривается применимость слова «не только к экзистенциальным суждениям о числовых последовательностях, но также и к экзистенциальным суждениям о натуральных числах»³¹. Цифровое восприятие мира способно включать в себя одно из основных качеств апофатики — неочевидность («своеобразие математики состоит в том, что она устанавливает такие отношения между предметами, которые, если не прибегать к помощи человеческого разума, являются совершенно неочевидными»³²) и нематериальность («математика имеет дело со специфическими математическими объектами, существующими во внечувственном мире, до и независимо от математических теорий»³³). В связи с такими установками можно утверждать, что цифровой мир потенциально открыт апофатическому молчанию, способен впустить в себя «реальность молчания» (К. А. Богданов).

Голосовое оформление цифрового сообщения только усиливает имплицитную апофатичность. Специфика подачи цифрового голоса, характеризующаяся как акустическая (ἄκουστος, услышанное), лишенная очевидного носителя, обретает еще большие апофатические тональности. Голоса виртуальности создают такую ситуацию, в которой, как отмечал Ж. Деррида, «отсутствует физическое событие языка»³⁴; полетность цифрового голоса выносит его за пределы материальности и телесности. Конкретные персоналии, которые стоят за голосами виртуальных помощниц (для «Siri» — С. Беннетт; для «Кортаны» — Дж. Тейлор; для «Алисы» — Т. Шитова, для «Маруси» — Е. Соловьева), анонимизируются IT-маркетингом, формируя модель невыговаривания, сокрытия имени. Целенаправленное умолчание имени носителя голоса,

²⁸ Russell S. J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Hoboken, 2021. P. 986.

²⁹ Гассенди П. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1968. С. 123.

³⁰ Светлов В. А. Философия математики. Основные программы обоснования математики XX столетия. М., 2006. С. 92.

³¹ Вейль Г. О философии математики. М., 1934. С. 104.

³² Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 75.

³³ Godel K. Russells mathematical logic // Bertrand Russell Collection of critical essays. New York, 1972. P. 177.

³⁴ Деррида Ж. Голос и феномен. С. 59.

сокрытие его лица (лика) активизирует один из ключевых апофатических принципов вне-именности: «...неназываемое, пребывающее превыше всякого имени, именуемого и в этом веке и в будущем» (Дионисий Ареопагит. «О Божественных именах»). Пустотная лакуна между голосом и лицом, разверзающаяся в цифровых голосах, усиливает присутствие молчания в виртуальной экологии, выводит к качественно иной парадигме «внутреннего тела» (S. Fisher) цифрового голоса. Голос по своей природе обращен внутрь, напоминает о глубинно-нутряном: «Если взгляд требует дистанции, то голос, сворачивая ее, проникает в нас»³⁵. Голос скользит внутрь себя, в молчание, которое, в свою очередь, напоминает об апофатической пустотности. Восприятие голоса, задаваемое пустотой, восходит к Алкмеону Кротонскому, утверждавшему, что уши слышат, «потому что в них имеется пустота», и настаивавшему на божественном знании невидимого: «...о невидимом только боги владеют (подлинным) знанием»³⁶. Цифровой голос подхватывает эстафету антропологии молчания, которая в античности получала телесные характеристики: «У греков главным было то, что говорилось... у римлян главными были пантонима, выражения, не равные тем, которые могут быть переданы с помощью языка»³⁷, а в XXI столетии обретает свое воплощение в форматах виртуальных голосовых помощников. Нутряной, вне-лицевой, глубинно-телесный, генетически-пустотный характер голоса накладывает свой отпечаток на формирование областей молчания в цифровых голосах.

Зоны молчания, явно и неявно присутствующие в цифровых голосах, возрождают богословское вопрошание, сформулированное еще свт. Григорием Нисским: «Если тварь не знает себя, как может она объяснять те вещи, что за ее пределами? О таких вещах время молчать; тут безмолвие определено лучше». Современная цифровая цивилизация придает этой риторической фигуре вопросительного утверждения новые смыслы; «слово, испытанное порогом молчания» (В. В. Библихин), входит в новые цифровые реалии через апофатику цифровых голосов.

Сегодня опыт молчащего слова обогащается опытом «молчания машин»: «Машина производит речь, но одновременно с этим она производит и молчание слушающего субъекта, его невозможность говорить, его оторопь»³⁸. Вместе с тем, открывая зоны молчания в цифровом мире, необходимо быть готовым и к новым вызовам, к новым «оторопям», возникающим из-за отсутствия в виртуальной реальности таких не воспроизводимых человеческих качеств как свободная воля, самонаблюдение, внутренний проективный опыт аутоидентификации, креативность, и, конечно, религиозность. В первую очередь, возникновение таких опасностей относится к ситуации информационной переполненности, когда вырабатывается навык не-вслушивания в шумящий мир, – в информационный шум рекламы, клиповых контентов и т. п. Девальвация тишины, подменяемой блокированием слухового восприятия, описываемая Х. Ортегой-и-Гассетом: «Те, кто живет рядом с водопадом, не слышат

³⁵ Долар М. Голос и ничего больше. СПб., 2018. С. 42.

³⁶ Досократики. Антология. Мн., 1999. С. 379.

³⁷ Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. Т. 2. М., 1977. С. 192.

³⁸ Самостиенко Е. В. Ассистент и его должник: об искусственных голосах. С. 54.

его шума. Однако если он прекратится, они услышат неслышное: тишину»³⁹, вполне применима к цифровым голосам. Голосовая ситуация виртуальной реальности представляет собой своеобразный информационный «водопад», который лишает тишину возможности быть услышанной. Опыт вслушивания в тишину исчезает, напротив, — формируется опыт не-вслушивания в мир, опыт пустых голосов, которые никто не слышит. Анти-тишина, культивируемая цифровыми голосами, и есть один из вызовов, который преодолевается возвращением значимости подлинной тишины, тишины, имеющей в своем основании апофатические смыслы.

Подмена молчания, симулякры тишины влекут за собой разрыв в результативном коммуникационном общении. Речевое общение выстраивает более тесную коммуникацию, нежели цифровые сообщения: «Иначе, чем это происходит в устной коммуникации, в коммуникации письменной сообщении, понимание и акцептация значительно дистанцированы друг от друга»⁴⁰. Количественно-цифровое расширение коммуникативной вселенной не ведет обязательно к качественному углублению общения, которое возможно только при подключении ресурса молчания-тишины. Цифровые голоса способны разделять — и властвовать? — именно за счет девальвации молчания, ведь ценность молчания в том, что оно есть «условие “другого разговора” — общения с Богом и Природой, их прямого познания»⁴¹. Такая медийная практика как голосовые селфи выступают яркой иллюстрацией оскудения молчания, ведь «селфи не рассказывают нам о том, что скрыто внутри Я. Наши попытки вычитать интроспекцию в селфи отскакивают от поверхности медиа. Объект наблюдает за нами: селфи вглядывается в нас»⁴². В определенной степени селфи демонстрирует пример анти-апофатичности, т. к. молчание голосового селфи в принципе невозможно, голос селфи сущностно не содержит молчания, молчание выступает как нарушение, дефект. Массовое распространение селфи (в 2013 г. Оксфордский словарь назвал «selfie» словом года) показывает, насколько навык без-молчания укоренен в цифровой культуре, насколько слово девальвируемо в отрицании молчания.

Результативность молчания должна быть реактивирована в цифровых голосах, ведь «кто никогда ничего не говорил, не способен в данный момент и молчать. Только в настоящей речи возможно собственное молчание»⁴³. Молчание способно парадоксально увеличить значимость общения, прежде всего духовную значимость, тогда как цифровой мир разрывает человечность коммуникации: «Горизонты электронной литературы заполнены производителями компьютеров и читателями, которые будут разговаривать друг с другом без участия человеческой аудитории»⁴⁴. Исчезновение человека — вот чем

³⁹ Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры. Теория метафоры. М., 1990. С. 71.

⁴⁰ Луман Н. Истина, знание, наука как система. М., 2016. С. 112.

⁴¹ Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994. С. 114.

⁴² Ловинк Г. Критическая теория интернета. С. 185.

⁴³ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. С. 165.

⁴⁴ Tucker A. Machine Co-authorship(s) via Translative Creative Writing. *Journal of Creative Writing Studies*. 2019. Vol. 4. No. 1. URL: <https://scholarworks.rit.edu/jcws/vol4/iss1/7> (дата обращения: 03.03.2024).

грозит выведение молчания из человеческого мировосприятия, к чему приведет обесчеловечивание молчания.

Молчание, оставшееся без человека, и человек, потерявший молчание, создают ситуацию, в которой востребованность слова — в его духовной полноте — окажется сниженной. Цифро-голосовая лингвистика оказывается перед лицом словесного «излишества», ведь информацию, за которой не стоит молчание, можно передать весьма ограниченным количеством слов и словесных конструкций. В результате становится реальностью преобладание словесной невостребованности, в цифро-голосовом мире не найдется места «Шекспиру» и «Пушкину» с лексиконом в десятки тысяч слов. Молчащие слова предстают словами ненужными; голосовые помощники, в принципе способные найти практически любое употребленное некогда человечеством слово, просто не будут их искать, а значит, не будут произносить ненужные слова. И среди таких слов может оказать и слово «Бог». Возникает ситуация апофатки «наоборот»: слово «Бог» не произносится не потому, что оно потаенно-ответственно («Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исх 20:7)), а потому, что оно не востребовано, исключено из активного запаса голосовых технологий, — поэтому голосовой «помощник» (или лукавый противник?) не произнесет слово «Бог» тогда, когда это потребуется для духовного состояния человека.

Опыт молчания должен вернуть свое место и значение в формате цифровых голосов, т. к. «искусственные голоса указывают на язык как технологию доступа к себе, на особые модели внимания и распознавания и производят перестройку внутренних структур социального»⁴⁵. Философско-богословское методика не может оставлять в стороне проблему тишины, «молчания машин», которые все больше являют себя в расширяющейся цифровой вселенной. Голосовая составляющая виртуальной реальности напоминает о метафизической сущности голоса, само голосовое присутствие в цифровом формате показывает связь между виртуальностью и метафизичностью. Ведь то, что Ж. Деррида называл «*рhone*» как основание звукового бытия («*рhone* не в звуковой субстанции или в физическом голосе, не в теле речи в мире, но в голосе, феноменологически взятом, в речи в ее трансцендентальной плоти, в дыхании, интенциональном оживлении, которое превращает тело мира в плоть»⁴⁶), представлено и в метафизике цифровых голосов. Слова и Слово соединяет молчание, а потому философско-религиозный подход призван к осмыслению метафизической сущности цифро-голосов, ответственен за открытие духовных смыслов в цифровой эхологии. Путь общения с Божественным включает молчание (свт. Феофан Затворник: «На пути к живому Богообщению стоит неминуемое безмолвие»⁴⁷), а потому современная религиозная философия обязана увидеть в молчании цифровых голосов пути к Богообщению.

Только в этом случае цифровой голос будет способен обрести себя как религиозный, духовно-интеллектуальный поступок, совершая его, в том числе,

⁴⁵ Самостийко Е. В. Ассистент и его должник: об искусственных голосах. С. 53.

⁴⁶ Деррида Ж. Голос и феномен. С. 27.

⁴⁷ Феофан Затворник, свт. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике. М., 1894. С. 309.

через метафизическое мировосприятие и апофатическое молчание. Метафизика и апофатика цифровых голосов создают основания для философско-религиозной оптики духовного поступания, проявляющегося в самых разных формах религиозного поведения. Через активацию духовного понимания цифровой реальности раскрывается путь к воспитанию и развитию философско-религиозного мышления, которое и должно стать перспективой духовного миропреображения в условиях расширяющейся виртуальной реальности.

Источники и литература

1. *Августин Аврелий, свт.* Творения: в 4 т. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1998.
2. *Беккет С.* Осколки: Эссе, рецензии, критические статьи. М.: Текст, 2009.
3. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: Канон-пресс, 1998.
4. *Бродский И.* Собрание сочинений: в 7 т. СПб.: ММІ, 2001.
5. *Булгакова О.* Голос как культурный феномен. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
6. *Вдовина Г. В.* Лаборатория онтологических понятий: Антонио Сирект и Антонио Тромбетта — скотисты XV в. // Историко-философский ежегодник. 2017. № 2017. С. 21–50.
7. *Вейль Г.* О философии математики. М.: ГИТТЛ, 1934.
8. *Гартман Н.* Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002.
9. *Гассенди П.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1968.
10. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993.
11. *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1977.
12. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика. Т. 1. М.: Искусство, 1968.
13. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
14. *Деррида Ж.* Голос и феномен. СПб.: Алетейя, 1999.
15. *Долар М.* Голос и ничего больше. СПб., 2018.
16. *Досократики.* Антология. Мн.: Харвест, 1999.
17. *Кант И.* Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
18. *Кинтцель Т.* Руководство программиста по работе со звуком. М.: ДМК Пресс, 2000.
19. *Лейбниц Г. В.* Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989.
20. *Ловинк Г.* Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019.
21. *Логический анализ языка: язык речевых действий.* М.: Наука, 1994.
22. *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
23. *Луман Н.* Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016.
24. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. М.: Ad Marginem, 1999.
25. *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
26. *Пенроуз Р.* Тени разума: в поисках науки о сознании. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.
27. *Самостиенко Е. В.* Ассистент и его должник: об искусственных голосах // Практики и интерпретации. 2018. Т. 3 (2). С. 51–64.
28. *Светлов В. А.* Философия математики. Основные программы обоснования математики XX столетия. М.: КомКнига, 2006.

29. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990.
30. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
31. Цаплин В. С. Принцип и природа разумности // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 116–123.
32. Шмонин Д. В. Теология в новой парадигме // Вопросы теологии. 2023. Т. 5. № 3. С. 494–508.
33. Godel K. Russells mathematical logic // Bertrand Russell Collection of critical essays. New York, 1972.
34. Russell S. J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Hoboken: Pearson, 2021.
35. Tucker A. Machine Co-authorship(s) via Translative Creative Writing. Journal of Creative Writing Studies. 2019. Vol. 4. No. 1. URL: <https://scholarworks.rit.edu/jcws/vol4/iss1/7> (дата обращения: 03.03.2024).